

Михаил ГОРЕЛИК

ПОГРЕБЕНИЕ ЧЕРКЕССКОГО ВОИНА 2 пол. XIII — 1 пол. XIV вв. в ПОРОСЬЕ

Аннотация

УДК 94(47).031; 904(477); 903.22

В статье проанализирован комплекс вооружения из кургана № 69 Яблоновского могильника вблизи города Белая Церковь (Украина). Анализ находок оружия и бытовых предметов из погребения позволил автору сделать вывод о том, что здесь был похоронен золотоордынский воин-черкес. Автор допускает, что рассмотренное погребение принадлежит одному из тех черкесских воинов, которые были переселены золотоордынской администрацией в стратегически важный на тот период район. Автор выдвигает предположение, что черкесы играли выдающуюся роль в военной системе Золотой Орды.

Ключевые слова: погребение, черкес, воин, оружие, Золотая Орда, Поднепровье.

Поховання золотоординського черкеського воїна 2 пол. XIII– 1 пол. XIV ст. у Поросі

Анотація

УДК 94(47).031; 904(477); 903.22

У статті проаналізований комплекс озброєння з кургану № 69 Яблонівського поховання поблизу міста Біла Церква (Україна). Аналіз знахідок зброї та предметів побуту дозволяє автору зробити висновок, що похований був золотоординським черкеським воїном. Автор припускає, що розглянуте поховання належить одному з черкеських воїнів, які були переселені золотоординською адміністрацією у стратегічно важливий на той період район. Автор висуває припущення, що черкеси грали видатну роль у військовій системі Золотої Орди.

Ключові слова: поховання, черкес, воїн, зброя, Золота Орда, Подніпров'я.

THE BURIAL OF THE GOLDEN HORDE CIRCASSIAN WARRIOR OF 13–14TH CENTURIES IN POROSYE

Abstract

UDC 94(47).031; 904(477); 903.22

Dr Michael Gorelik analyzed an excavated set of antique arms and armor from Yablonovsky burial number 69 near the ancient city of Jurev. Author studies weapons and household items from the grave and concluded that a Circassian warrior of the Golden Horde was buried there. The author admitted that the burial belonged to one of those Circassian warriors who had been resettled by the Golden Horde administration to a strategically important area. The author suggested that the Circassians played a prominent role in the military system of the Golden Horde.

Keywords: burial, Circassians, warrior, Golden Horde, Podneprovye [Dneper Basin].

При раскопках Яблоновского могильника вблизи древнерусского города Юрьев (ныне Белая Церковь) был раскопан курган № 69, содержащий парное захоронение. К сожалению, авторы публикации [12, с.55, рис. 13, 14] не смогли ни верно определить этнокультурную принад-

лежность памятника, ни его датировку. Мелькнувшая у них догадка о связи погребенных с Северным Кавказом привела их... к аланам X–XI вв. (судя по ссылке на Змейский могильник) [12, с. 55], чей погребальный обряд – захоронение в глубоких многометровых катакомбах – не имел ничего обще-

го с тем, что было обнаружено в кург. 69. В рассматриваемом же памятнике погребение (рис. 1) было совершенно по обряду ингумации на горизонте, что являлось традиционным способом погребения древних адыгов, особенно ярко представленным в материалах древнеадыгской-золотоордынской белореченской культуры XIV–XV вв. Вооружение, сопровождавшее похороненного мужчину-воина, не оставляет никаких сомнений ни в его этнокультурной принадлежности, ни во временном отрезке, на который пришлась его жизнь.

Наиболее ярким, определяющим датую и происхождение покойника, памятником являются остатки круглого щита (рис. 1:9) $d=70$ см, представленные железными деталями – узкими оковками по краю и умбоном в центре (смещенным). Умбон имеет вид выпуклого диска ($d=16$ см), края которого мелко насечены зубчиками при помощи зубила. Последний прием оформления края изделия является четко атрибутирующим признаком золотоордынского кузнечного ремесла. Поверх диска крестообразно наложены две полосы шириной 2,5 см, в 3,5 см от края переходящие в узкие прутки, раскованной уплощенной частью которых полосы являются. В центре полосы и диск пробиты заклепкой, крепившей умбон к деревянной или плетеной поверхности щита. Как видно из достаточного количества аналогий, умбон крепился к поверхности щита также заклепками, проходившими через все четыре расплющенных конца прутков крестообразной накладке умбона. Изнутри концы заклепок загибались в круг, в который вставлялись подвижные кольца, служившие для крепления двух кожаных или тканых ручек. Говоря о доста-

точном числе аналогий (рис. 2, 3), мы имеем в виду более 15 находок подобных умбонов на северо-западном Кавказе в погребениях 2 пол. XIII–XIV вв., нередко содержавших шлемы, кольчуги, сабли и другое наступательное оружие [5, с. 172-173, таб. 15]. Одно из погребений принадлежало знатному половцу – золотоордынскому латнику [7, с. 141-142, рис. 5 А, Б], остальные – адыгам. Происхождение данной системы усиления щита из органических материалов умбоном и оковками из железного прута понятно: его во 2-й пол. XIII в. заимствовали черкесские оружейники из арсенала итальянских оружейников (рис. 4) в период бурного процесса колонизации северо-восточного Причерноморья и Приазовья жителями Италии. Сама же эта система усиления щита была в XIII в. популярна во всей западной Европе – от Скандинавии до, особенно, Италии (рис. 5). И уже от адыгов-черкесов эта система распространилась практически по всей империи Чингизидов (рис. 6) [3, с. 184-187, рис. 2, 3].

Следующим датирующим предметом вооружения является сабля (рис. 1:3), а именно – ее перекрестие, асимметричное – нижний ус, как положено, длиннее верхнего, с расплющенными и оттянутыми вниз концами. Подобные перекрестья – верный признак изделия золотоордынских мастеров, особенно характерный для северного Кавказа (рис. 7–9, 10 :1-7) [2, с. 20, 64; 5, с. 161–164, рис.1–5]. Генезис перекрестия с расплющенными и приопущенными концами усов связан с мавританской Испанией и Месопотамией, где этот тип сложился к XIII в. и повлиял на форму клинковых перекрестий Западной Европы (рис. 10:8–12). С Запада и Юга подобные пере-

крестия вместе с клинками во 2-й пол. XIII в. попали в Северное Причерноморье при посредстве итальянских и хулагуидских купцов, в составе посольских даров или трофеев бесконечных джучидско-хулагуидских войн 2-й пол. XIII – нач. XIV вв.

Интересен найденный в погребении наконечник копья (Рис. 1:8), аналогии коему мы встречаем в памятниках с территории Центрального Улуса империи Чингизидов – Алтая, Тувы, Прибайкалья, Забайкалья и Монголии (рис. 10: 13-15) [1, рис. 45, 1, 2; 9, рис. 8, 1-2]. Что же касается небольших листовидных наконечников стрел, то они типичны для черкесских погребений золотоордынского периода.

Датирующими и этнокультурно маркирующими являются и бытовые предметы. Так, все три прямоугольно-заоваленных огнива (рис. 1:11) датируются 2 пол. XIII–XIV вв. [11]. Оселок с треугольными короткими сторонами (рис. 1:7) встречается обычно в золотоордынских, особенно черкесских, погребениях [6, с. 159, рис. 2, 2–2а; 8, с. 57, рис. 16, 19–19А]. Кочевнический характер имеют найденные в погребении тесло, клавшееся в могилы степных воинов еще с древнетюркского времени, и пружинные ножницы для стрижки овец.

Таким образом, из анализа находок оружия из погребения № 69, можно сделать достаточно уверенный вывод о том, что здесь был похоронен золотоордынский воин-черкес (рис. 11), относящийся ко второй, выделенной В. Н. Чхайдзе и И. А. Дружининой категории воинства восточного Приазовья – бойцов с разнообразным наступательным вооружением, включающем саблю, а в данном случае еще и сравнительно редкое у черкесов копьё, и отдельными

предметами защитного вооружения, в данном случае – щитом.

Но теперь встает очень важный для Украины вопрос о черкасах. Ведь именно так называли жителей Среднего Поднепровья москвиты в XV–XVII вв. И название города Черкассы известно с XV в. И многократно описанная путешественниками XIII–XV вв. прическа знатных черкесов – бритая голова с длинной прядью волос, спускавшейся с макушки или левого виска, и очень длинные усы при бритом подбородке, либо – у знати – опускавшиеся ниже бороды, ставшие украинскими признаками. Можно предположить, что мы рассмотрели погребение одного из тех черкесских воинов, которые были переселены золотоордынской администрацией в стратегически важный район для укрепления позиций против начинавшегося усиления и претензий на данный регион Великого княжества Литовского и Русского. Переселение могло иметь место от середины XIII в., когда Среднее Поднепровье вошло в границы кочевий чингизида Хурмиши (Куремсы), до 1362 г., когда в битве при Синих Водах Ольгерд Литовский отвоевал у Улуса Джучи власть над Киевщиной. Но почему именно черкесы? Дело в том, что черкесы были самыми излюбленными из подданных владык Улуса Джучи [10, с. 60-81]. Даже сам этноним – черкесы – появляется именно в сер. XIII в. в монгольских текстах. В мусульманских источниках при перечислении инородческих контингентов Улуса Джучи на первом месте называются именно черкесы (лишь один раз – у Рашид ад-Дина – на первом месте названы русские, у остальных авторов прочно занимающие второе место). Нам известны многотысячные лейб-гвардейские контингенты мон-

гольских императоров Китая, составленные из русских, алан-асов, половцев, кыпчаков, присланных «в центр» владыками Улуса Джучи. Офицеры этих народов делали в империи Юань подробно описанные в послужных списках блестящие карьеры. Но ни одного черкеса в Китае не зафиксировано в юаньских документах. Руководство Золотой Орды не отдавало своих излюбленных подданных. А излюбленность явствует из раскопанных погребений черкесов в Прикубанье: многие из них содержат награды золотоордынской администрации – сделанные из драгоценных металлов пиршественные чаши и пояса с металлическим набором. Причем в некоторых погребениях их был не один комплект. Кроме изделий из драгоценных металлов в качестве награды выдавались драгоценные чингизидские ткани – в отрезках или в готовых изделиях, естественно, монгольского покроя.

За что же черкесы снискали такое благоволение у монгольских властей? Ведь какой-то особой лояльностью черкесы не особенно выделялись: скорее, наоборот, от них властям было беспокойство по части бесперебойного прохода торговых караванов, чего монголы очень не любили. Ответ мы находим в материале погребений XIII–XIV вв. восточного Приазовья и Прикубанья (рис.12). Недавно В. Н. Чаидзе и И. А. Дружинина показали, что в составе воинских погребений этого региона – 30% тяжелой конницы, со шлемами, панцирями, саблями, саадаками, иногда щитами, наручами и другим вооружением; 30 % – средней конницы с саблями и отдельными предметами защитного вооружения, и 30% легких конных лучников [13, р. 6-9]. Среди погребенных бойцов латной конницы

были не только черкесы, но и жившие с ними чресполосно половцы и монголы. Также известно, что среди черкесов было чрезвычайно развито производство оружия высшего качества (так, исследованные специалистами по металлургии клинки белореченской культуры оказались выкованными из дамасской стали). Количество обнаруженного в черкесских погребениях оружия превосходит все наличествующее в Европе и Азии оружие XIII–XIV вв. Это сотни сабель, десятки кольчуг, около сотни шлемов.

Черкесам принадлежало создание знаменитого «черкесского клинка»; как мы видели, специфической системы оковки щита; одного из типа забрал-личин, технологически самых простых; вероятно, также и пластинчато-кольчатого доспеха – вершины панцирного искусства Востока. Понятно, что людей, выставяющих такой немислимый процент латной конницы, да еще и изготовлявший передовое оружие высшего качества в масштабах, позволявших вооружать не только себя, но и соседей, следовало всячески отличать, и уж ни в коем случае не отдавать на далекую чужбину под чужую власть.

Из сказанного видно, какую роль играли черкесы в военной системе Золотой Орды. Понятно, что их, видимо, сравнительно ограниченный контингент в Поднепровье должен был пользоваться исключительно высоким авторитетом, даже и после падения власти Золотой Орды на части его территории. Поэтому сложившееся здесь славяноязычное население не только само переняло, судя по названию города, этноним почетных переселенцев, но и благосклонно относилось к тому, что восточные соседи называют их черкасами.

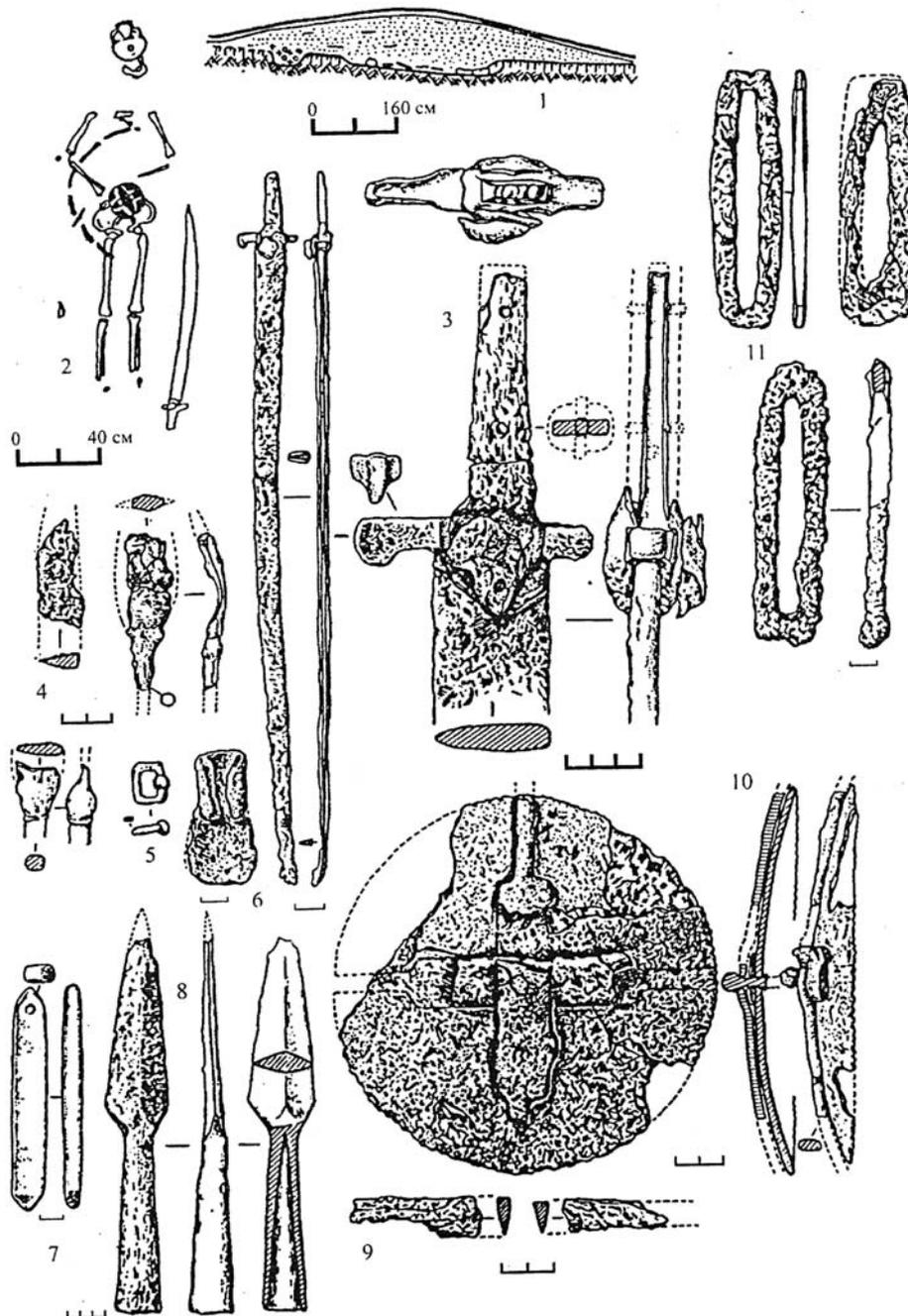

Рис. 1. Материалы погребения № 69 Яблоновского могильника в Поросье (по Орлов Р. С. и др., Рис. 13, 14): 1 — разрез; 2 — погребенный (черным выделены оковки щита); 3 — сабля и ее детали; 4 — наконечники стрел; 5 — пряжка со шпеньком; 6 — тесло; 7 — оселок; 8 — наконечник копья; 9 — нож; 10 — умбон щита; 11 — кресала.

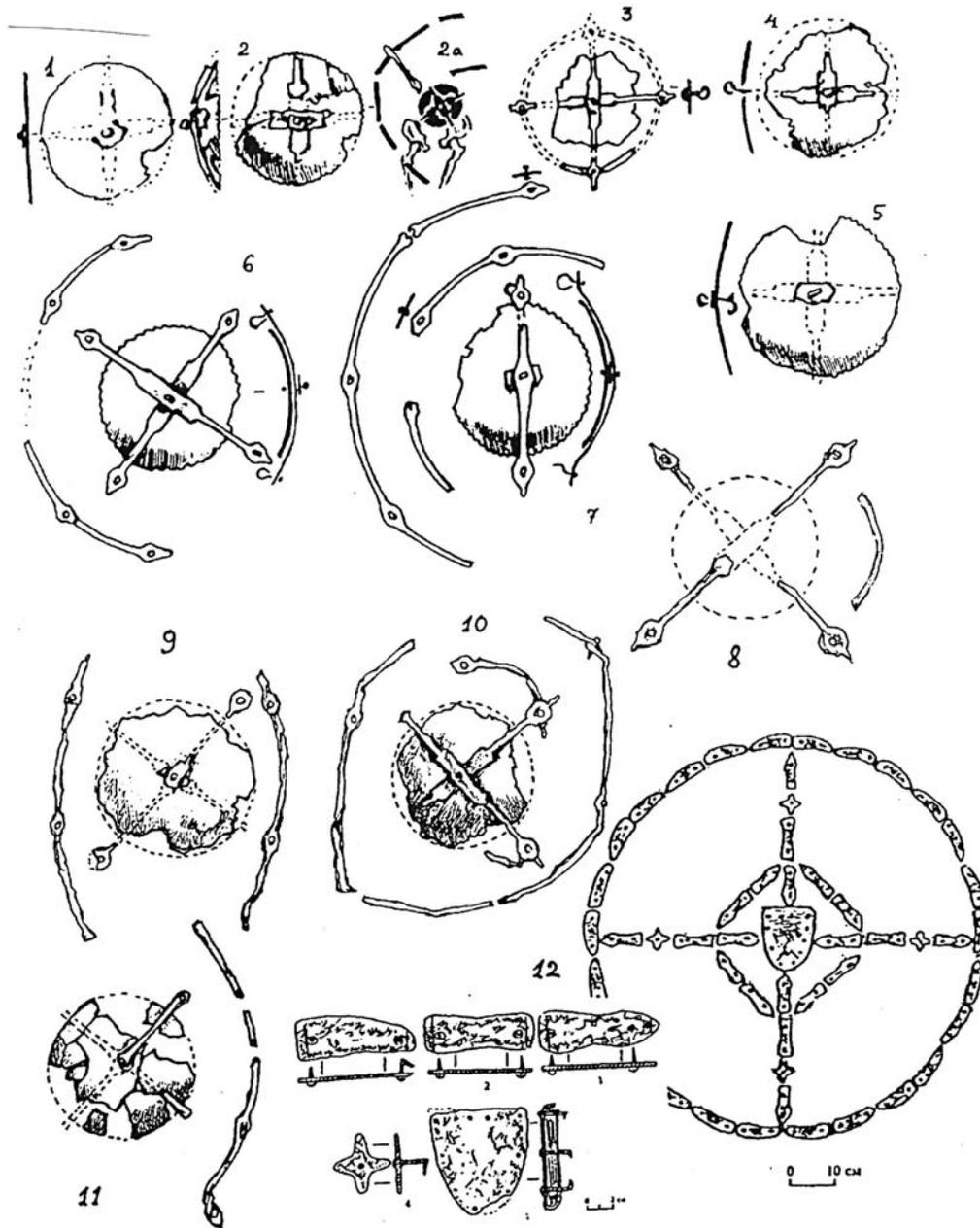

Рис. 2. Умбоны и оковки щитов северокавказских щитов 2 пол. XIII–XIV вв. 1 — Дмитриевский мог., кург. 2, Прикубанье; 2 — Яблоновский мог., погр. 69, Поросье; 3 — мог. Варданэ, р-н Сочи; 4, 5 — Краснодарский комплексный краеведческий музей-заповедник; 6, 9 — Убинский мог., Адыгея; 7 — Новороссийск, погр. на Днестровской ул.; 8, 10 — мог. Казазово-1, Краснодарский край; 11 — мог. Казазово-3; 12 — Келийский мог., горная Ингушетия.

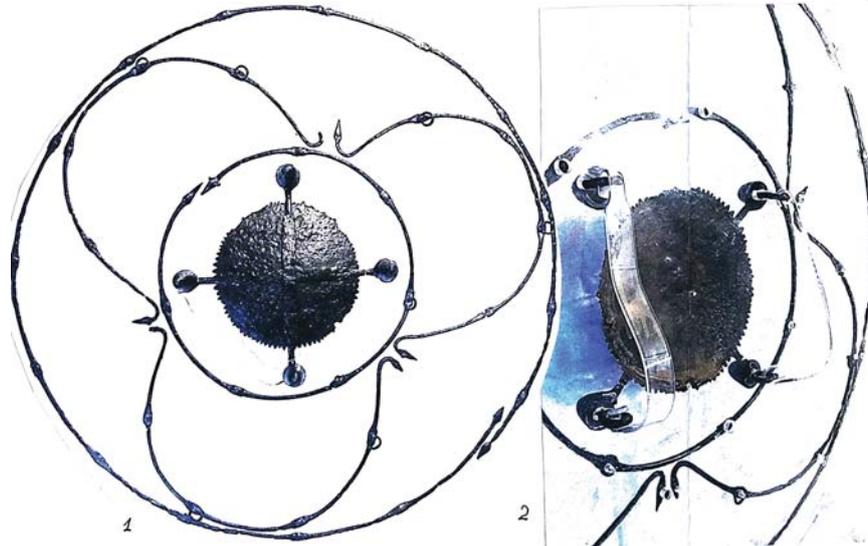

Рис. 3. Железная оковка черкесского золотоордынского щита XIV в.
Реставратор А. М. Горелик. Собр. Фонда Марджани. Москва.

Рис. 4. Европейская скульптура XIII в. с изображениями щитов с оковками:
1 — серебряный алтарь собора в Пистойе, Италия, кон. XIII в.; 2 — горельеф
церкви Св. Юстина. Падуя. Ок. 1210 г.

*Рис. 5. Скандинавские деревянные щиты с железной оковкой XII-XIII вв.:
1 — из Гимсей, пров. Телемаркен, Норвегия, XII-XIII в.; 2, 5 — Дания, XII-XIII вв.;
3, 4 — из Рике, пров. Сетесдаль, Норвегия, XII в.*

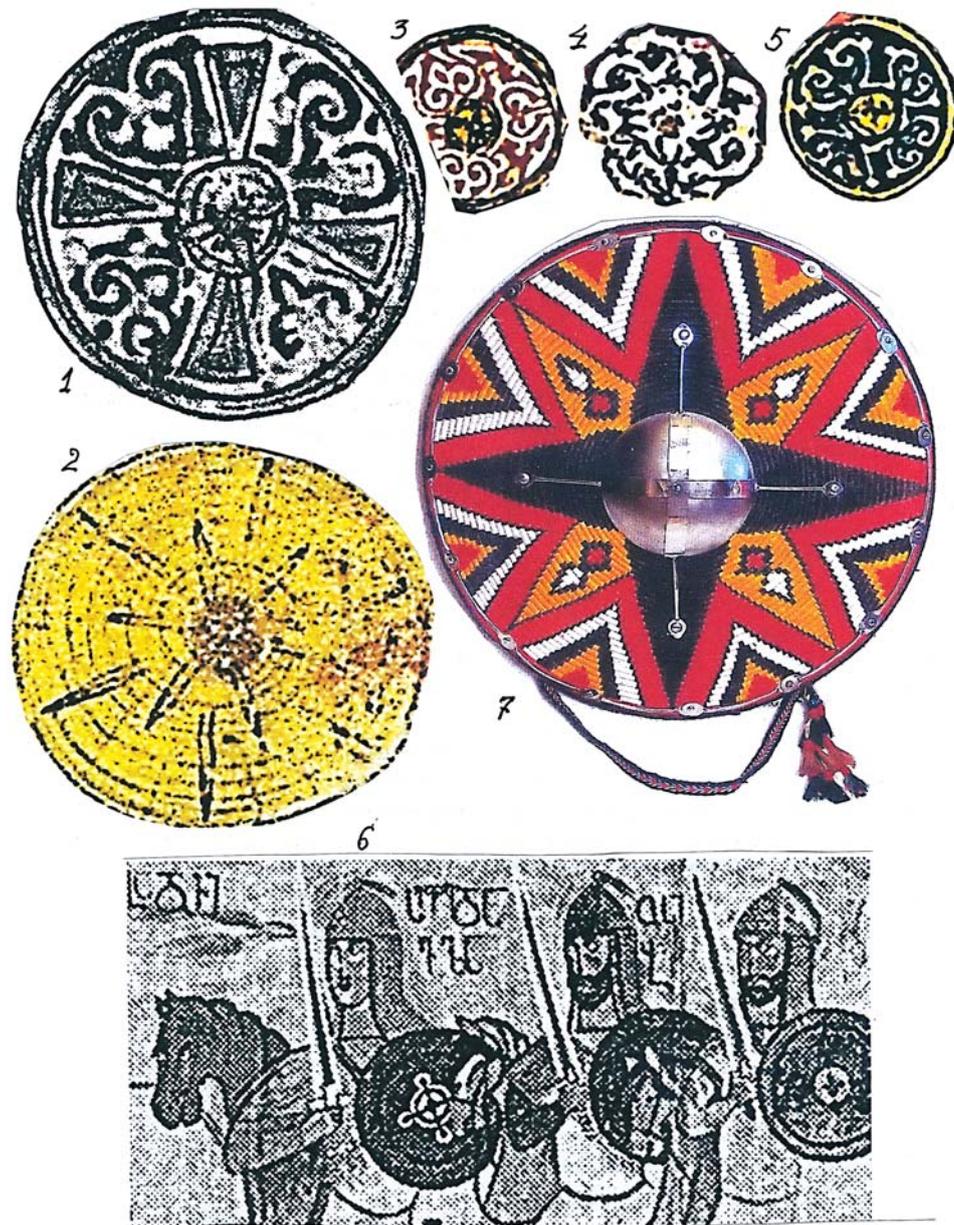

Рис. 6. Изображения монгольских щитов с умбонами с крестообразным креплением XIV в.: 1, 3, 5 — миниатюры рукописи «Джами ат-таварих» Рашид ад-Дина, Тебриз, 1305–08 гг. Б-ка Эдинбургского ун-та; 2 — миниатюра рукописи «Мунис ал-ахрар фи дакаи ал-азхар». Багдад (?), 1341 г. Б-ка Принстонского ун-та; 4 — миниатюра рукописи «Шах-намэ» Фирдоуси, Тебриз или Багдад, 1341г., Смитсоновский ин-т, Вашингтон; 6 — фреска ц. Архангелов в селении Лаитхвер, Сванетия, XIV в.; 7 — реконструкция золотоордынского щита-калкана. Разработка М. В. Горелика, мастер П. А. Седнев.

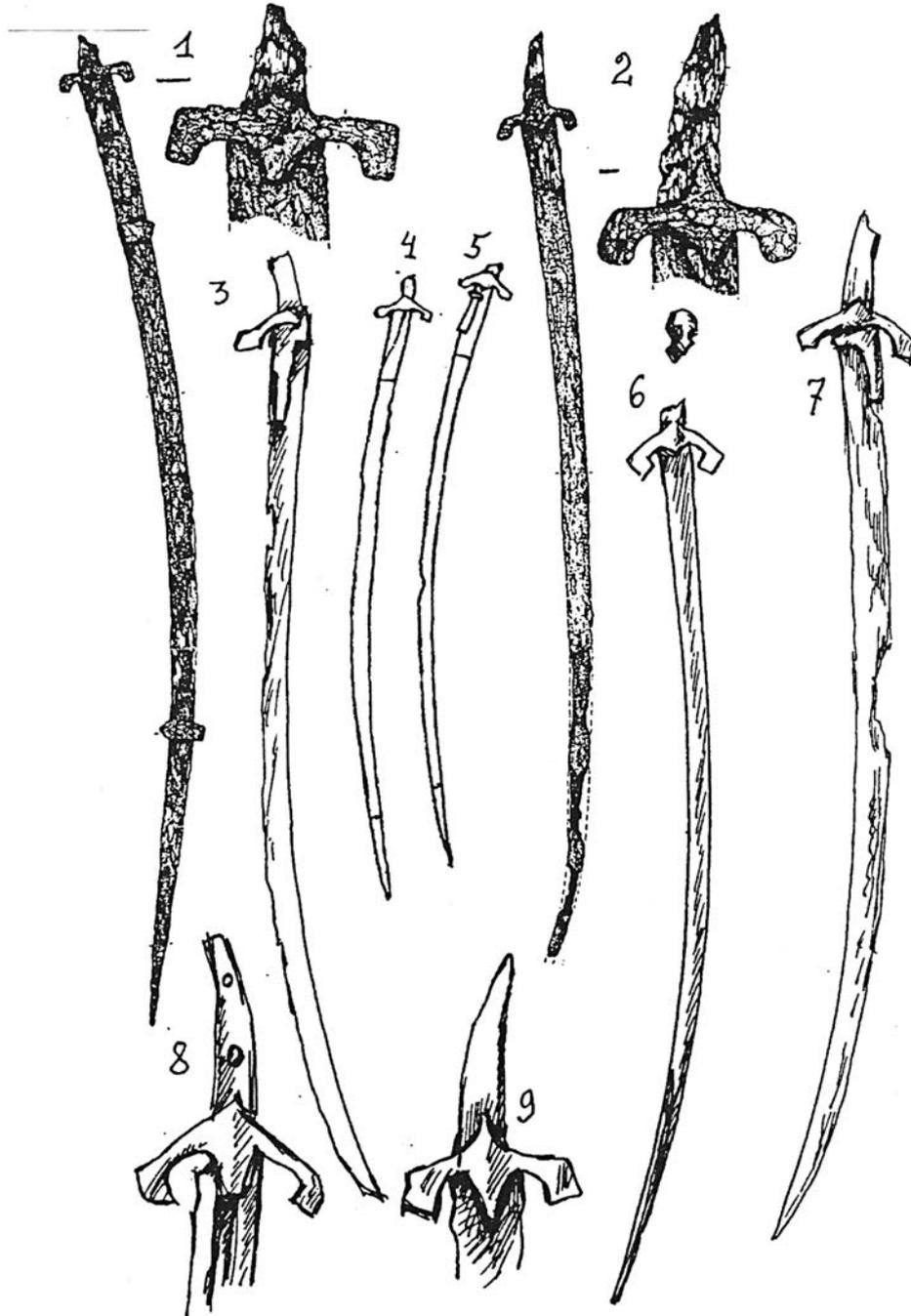

Рис. 7. Золотоордынские черкесские сабли XIV в.: 1, 2 — мог. Иноземцево-1, Пятигорье; 3 — кург. у станицы Праздничная; 4, 5 — Ленинхабльський мог., Адыгея; 6 — кург. у станицы Раевская, Краснодарський край; 7 — Убинський мог., Адыгея; 8 — кург. у станицы Псебайская; 9 — кург. у станиц Кужорская и Ярославская.

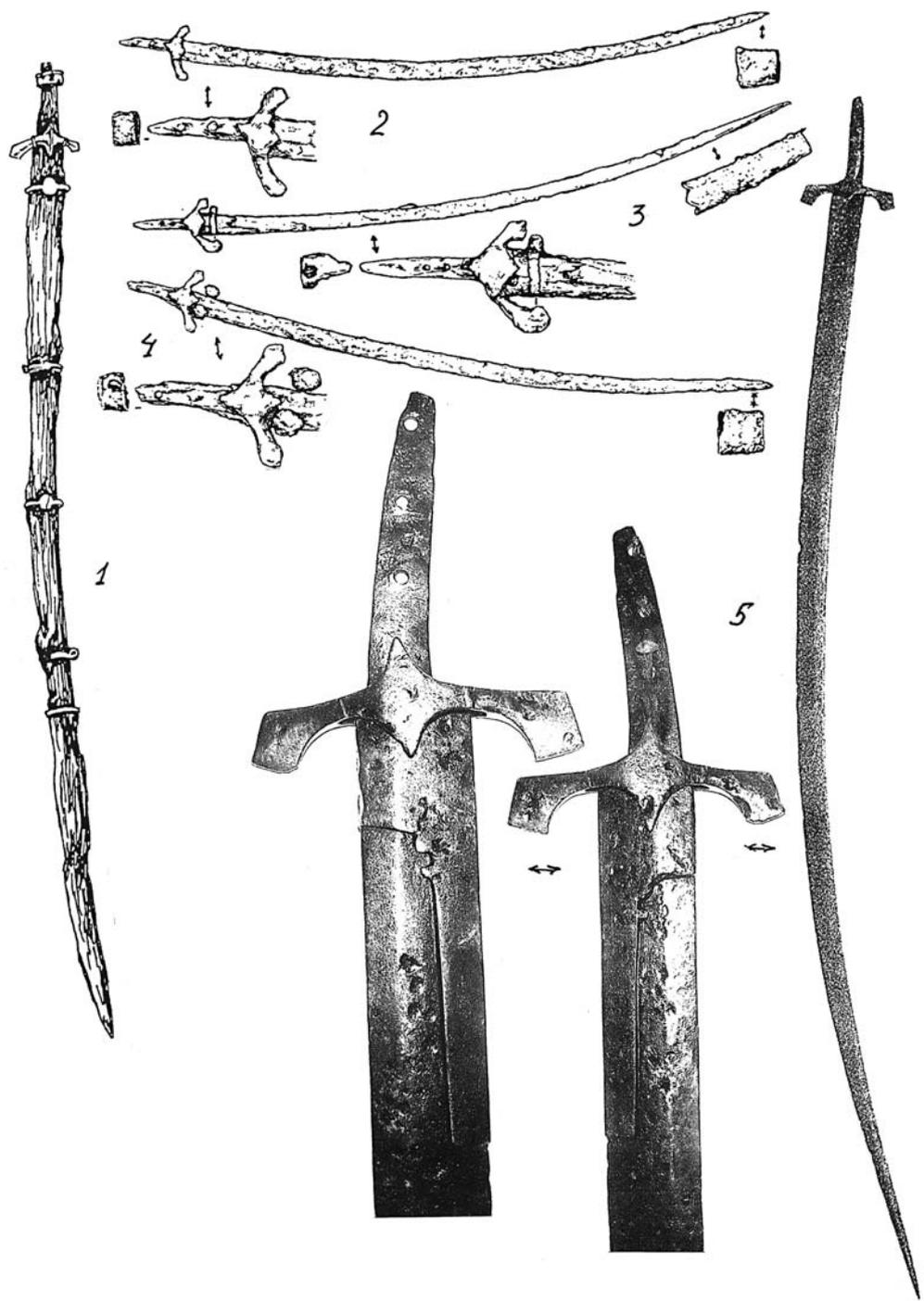

Рис. 8. Золотоордынские черкесские сабли XIV в.: 1 — кург. 1 Большереченского мог.; 2-4 — мог. Мзыста ок. Туапсе; 5 — частное собр.

Рис. 9. Золотоордынская черкесская сабля XIV в. Железо, таушировка серебром, дерево, кожа, шелковый шнур. Собр. Фонда Марджани, Москва.

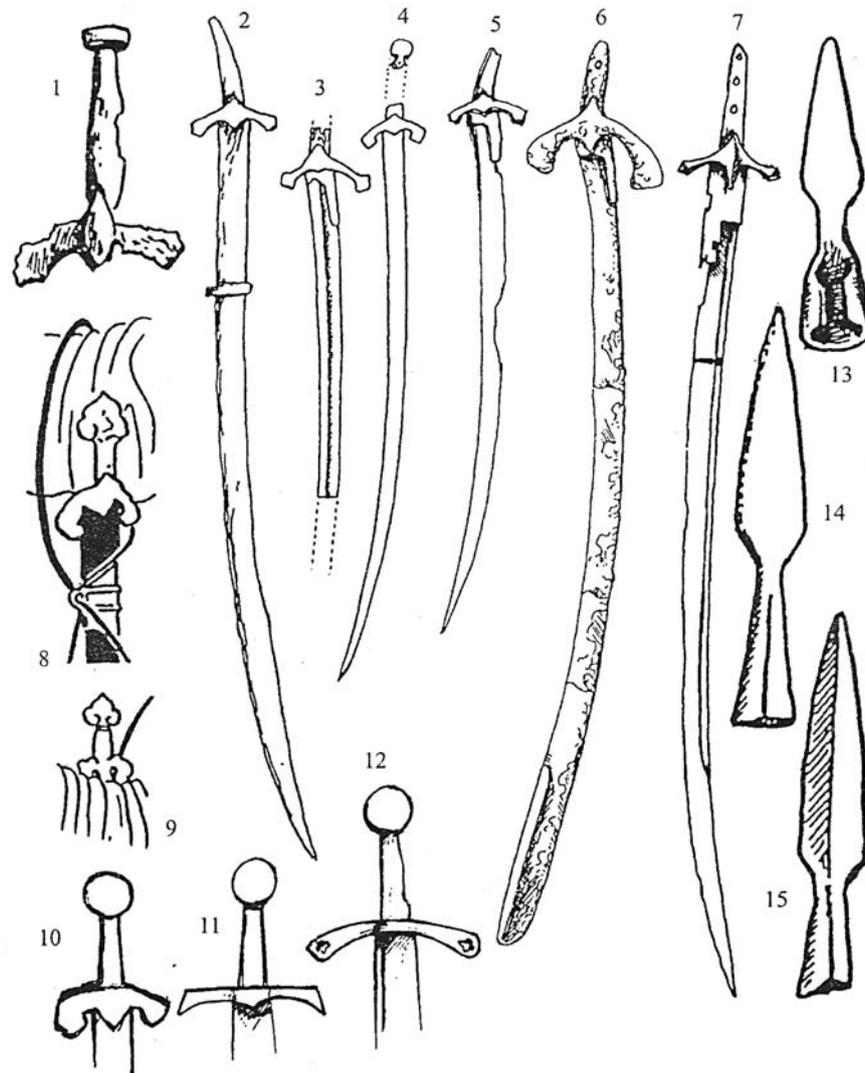

Рис.10. 1-7 — золотоордынские клинки: рукоять меча из Царевского городища, 2 пол. XIII — 1 пол. XIV вв.; 2 — кон. XIII-XIV вв., Волгоградский краеведческий музей; 3 — мог. Верх. Лейми, Ингушетия, XIV в.; 4 — кург. у станицы Раевская, Краснодарский край; 5 — Новороссийск, погр. на Днесторовской ул.; 6 — из каменного ящика у с. Верх. Алкун, Ингушетия, с монетами золотоордынского хана Пулада (1407-1410); 7 — XIV — нач. XV вв., Государственный объединенный музей республики Татарстан, Казань; 8, 9 — арабские мечи на миниатюрах рукописи «Джами ат-таварих» Рашид ад-Дина, Тебриз, 1206-1208 гг., Б-ка Эдинбургского ун-та; 10-12 — рукояти западноевропейских клинков XIII в.; 10 — каталонский каменный рельеф; 11 — фальшион из сокровищницы собора в г. Дарэм, Англия; 12 — фальшион из замка-музея в Норвиче, Англия; 13-15 — наконечники копий из Центральной Азии XIII-XIV вв.: 13 — Усть-Талькин, мог. 5, Прибайкалье; 14 — Дэрэстуйский култук в Зап. Забайкалье и Монголии; 15 — Монголия.

Рис. 11. Золотоордынський воїн-черкес нач. XIV в. Реконструкція по матеріалам погребення № 69 Яблоновського могильника і рисунок М. В. Гореліка. 2006 г.

Рис.12. Золотоордынские черкесские конные латники XIV в. Реконструкции и рисунки М. В. Горелика: 1 — по материалам погребения у станицы Праздничной; 2 — по материалам погребений Белореченской культуры Прикубанья. 2006 г.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Горбунов В. В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. В 2-х ч. Часть II. Наступательное вооружение (оружие). – Барнаул, 2006. – 234 с.
2. Горелик М. В. Армии монголо-татар X–XIV вв. Воинское искусство, оружие, снаряжение. – М., 2002. – 84 с.
3. Его же. Адыги в Южном Поднепровье (2-я половина XIII в. – 1-я половина XIV в.) // МИАСК. – 2004. – Вып. 3. – С. 293-300.
4. Его же. Халха-калкан (Монгольский щит и его дериваты) // Восток-Запад: Диалог культур Евразии. Проблемы средневековой истории и археологии. Вып. 4. Культурные традиции Евразии. – Казань, 2004. – С. 182-194.
5. Его же. Черкесские воины Золотой Орды (по археологическим данным) // Вестник института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. – 2008. – Вып. 15. – С. 158-189.
6. Его же. Погребение знатного половца-золотоордынского латника // МИАСК. – 2009. – Вып. 10. – С. 157-180.
7. Его же. Золотоордынские латники Прикубанья // МИАСК. – 2008. – Вып. 9. – С. 139-159.
8. Горелик М. В., Дружинина И. А. Уникальное погребение золотоордынского воина на р. Белой // Батыр. – 2011. – № 1 (№ 2). – С. 39-63.
9. Горелик М. В. Комплекс монгольского воинского снаряжения из Тувы // Золотоордынское наследие. – 2011. – Вып. 2. – С. 310-324.
10. Горелик М. В. Монголы и подвластные народы в Золотой Орде // Золотоордынское наследие. – 2011. – Вып. 2. – С. 77-89.
11. Евглевский А. В., Потемкина Т. М. Кресала в позднеочевнических погребениях Восточной Европы // Степи Европы в эпоху средневековья. – Донецк, 2000. – Т. 1. – С. 181-208.
12. Орлов Р. С., Моця А. П., Покас П. М. Исследования летописного Юрьева на Руси и его окрестностей // Земли Южной Руси в IX–XIV вв. (История и археология). – К., 1985. – С. 30-62.
13. Chkhaidze V. N., Druzhinina I. A. The military organization of nomads of steppe Ciscaucasia in XII–XIV centuries // Medieval Nomads. Fourth International Conference on the Medieval History of the Eurasian Steppe. – Szeged, 2011. – P. 8-9.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

МИАСК – Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир.

Відомості про автора. *Горелик Михайло Вікторович*, старший науковий співробітник Інституту сходознавства РАН, кандидат мистецтвознавства, академік Академії мистецтв Республіки Казахстан, м. Москва, РФ.

Author's data. *Dr. Michael Gorelik*, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Academy of Arts of the Republic of Kazakhstan, Moscow, Russia.

Сведения об авторе. *Горелик Михаил Викторович*, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, кандидат искусствоведения, академик Академии художеств Республики Казахстан, г. Москва, РФ.